

ПОПАВШИЙ В ЖЕРНОВА ПАРТИЙНОЙ СКЛОКИ...

Написано было к 85-летию убийства Сергея Есенина

*Есенин примерил ... в быстрой последовательности
целую серию литературных «масок»:
ангела-папуши (1915-1916), мужицко-крестьянского
пророка (1917-1918) – последнего поэта деревни,
хулигана (1919-1921), кабацкого повесы (1922-1923),
бывшего хулигана (конец 1923), мечтающего стать певцом
новой советской России (середина 1924 – март 1925)
и, наконец, эгегического предсказателя собственной
надвигающейся смерти.*

Гордон Маквей, «Русские писатели о Сергее Есенине»¹

Был он бомж – Без Определенного Места Жительства.

То переночует у кого-нибудь, то пару дней там проживет, а то и пару лет, – у друга, у собутыльника, у любовницы, у очередной жёны, гражданской или «законной»... Иногда, правда, уезжал на родину, в деревню, но опять-таки это был не его собственный дом...

Был влюбчив, а что до женщин (тяготел к тем, которые его постарше) и девушек (некоторых из которых одарял детьми), – так они сами на нем висли. Повиснув же раз и испытав ТО, на что был способен этот невысокий кудрявый красавец, волочились, отставленные, за ним до самой его гибели, а одна – молодая чекистка Галя Бениславская – застрелилась на его могиле, написав в предсмертной записке примерно так: «Болтайте о нас что хотите, ему и мне всё равно»².

Она не раз вытаскивала его из милицейских участков, куда его то и дело забирали, а влюбилась с первого взгляда и без памяти на оперативном задании: поприсутствовать на сборище «Суд над имажинистами». Суда-то, в общем, никакого не было, просто поэты-футуристы обзывали, как хотели, поэтов-имажинистов, а эти обзывали тех тоже, как хотели. И главный имажинист Есенин то жил с ней, то не жил, то вдруг притаскивал к ней на квартиру очередную пассию и заваливал на очень непрочное ложе любви. А Галя в дневнике рассказывала будущим поколениям: «Сергей <...> не посмотрел, а как же я должна реагировать, когда <...> я чинила после них кровать. Всегдашнее – я как женщина ему не нравлюсь,³ ... Однако к ней мы больше не вернемся.

И поскольку мы говорим об убийстве великого русского Поэта, длинный список преступников начинают «основоположники» – Маркс и Энгельс с их фантазийным «коммунизмом» и дурацкой «классовой борьбой», на алтарь которой после их кончины было брошено не меньше двухсот миллионов жизней, „в том числе, – как любили писать советские газеты, – стариков, женщин и детей,,.

Среди этой невообразимой горы трупов – якобы повесившийся золотоволосый поэт. Он гордился своим крестьянским происхождением, – и был застрелен, а для гарантии стукнут прямо в лоб наганом.

Стрелял один из большевиков, чья партия захватила власть в бывшей Российской Империи. Они ненавидели деревню, мешавшую им строить «всеобщее счастье трудящихся». Еще бы! Ведь сам Ленин клеймил «идиотизм деревенской жизни», взяв слова эти из «Коммунистического манифеста»! Их вслед ему повторяли все, кому не лень. В сознание «пролетариев» прочно вколачивалось: деревня в силу своего идиотизма плодит идиотов.

Но, оказывается, Маркс и Энгельс, хотя говорили и писали много всякого, не навешивали ярлыка идиотов на крестьян. Сделал это переводчик.

Тот самый, кто первым перевел «Коммунистический манифест» на русский язык. Он не силен был в греческом, в котором слово "идиотес" значит «одинокий, изолированный»⁴. Так что до сих пор печатают сей манифест с фразой о буржуазии, которая вырвала «...значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни». Хотя «основоположники» имели в виду вовсе не идиотизм: они хвалили буржуазию за разрушение ИЗОЛИРОВАННОСТИ деревни от жизни всего общества.

Однако Ленин, хотя и знал со школьной скамьи греческий, не вдавался в филологические тонкости. Говорил про «идиотизм», ибо это было ему выгодно: как же, «основоположники» дали определение! Говорил, что крестьяне поголовно противники коммунистической революции: «в крестьянине живет инстинкт хозяина»! И этот мерзкий инстинкт «порождает в крестьянине мечты и стремления <...> замкнуться против всего общества на своем клочке земли, на своей, как злобно говорил Маркс, куче навоза»⁵.

Злобности же Марксу, считавшему себя гением всех времен и народов, было не занимать, – почитайте его выступления на конгрессах Интернационала! А «куча навоза»... Это из яростной ругани, которой он обливал в печати своего бывшего однопартийца Криге. Этот Криге стал в 1845 году американцем и нёс ересь, приводящую Маркса в бешенство: «Криге мог бы добавить: это *моя* куча навоза, произведенная мною, моей женой и детьми, моим батраком и моим скотом»⁶. Семейный, стало быть, навоз...

И Марксу, и Ленину, обоим была недоступна (один уже умер, второй умирал, но всё равно бы не понял) мысль Освальда Шпенглера, замечательного немецкого философа: крестьянин есть «...потомок своих пращуров и пращур будущих поколений. *Его* дом, *его* собственность: это означает здесь не мимолетную встречу тела и имущества, <...> но долговременное и внутреннее сопряжение вечной земли и вечной крови»⁷. Иными словами, крестьянин, связан с

кругооборотом планеты как никто другой, – и фактически есть представитель космоса, тогда как горожанин просто паразит на мужичьем теле и труде.

Вождю «страны советов» недоступна была и другая мысль философа: «Крестьянство внеисторично *и потому бесписьменно*»⁸. Ленину и его последователям, обычно до мозга костей горожанам, было не понять, что если появился крестьянин **пишущий**, ставший таким образом вровень с интеллигенцией, то есть как бы вровень с древними сословиями – духовенством и знатью, – то его надо поддерживать, уважать. Вплоть до снисхождения к порождаемым им некоторым неудобствам для общегития. Да что к неудобствам – даже к ненависти, которую он выплескивает по праву теснейшей, неразрываемой, «календарной» связи с землей, а значит, со Вселенной!

Крестьянский писатель, старообрядец Пимен Карпов в неопубликованной (к счастью для него!) поэме «История дурака» клеймил Ленина:

*Ты страшен. В пику всем Европам
Став людоедом, эфиопом, –
На царство впер ты сгоряча
Над палачами палача.
Глупцы с тобой «Ура» орали,
Чекисты с русских скальпы драли...*

.....
*В кровавом раже идиотском
Ты куролесил с Лейбой Троцким...*⁹

С XIV века бытует легенда (по новейшим исследованиям оказавшаяся вовсе не легендой!) о том, что крокодил, съедая человека, плачет. Физиология у него такая...

Эти крокодиловы слезы – статья Троцкого «Памяти Сергея Есенина»¹⁰:

„Мы потеряли Есенина – такого прекрасного поэта, такого свежего, такого настоящего. И как трагически потеряли! Он ушел сам, <...> без крикливой обиды, без ноты протеста, – не хлопнув дверью, а тихо прикрыв ее рукою, из которой сочилась кровь. <...> Больше не могу, сказал 27 декабря побежденный жизнью поэт, сказал без вызова и упрека. <...> Только теперь, после 27 декабря, можем мы все, мало знавшие или совсем не знавшие поэта, до конца оценить интимную искренность есенинской лирики, где каждая почти строчка написана кровью пораненных жил. <...>»¹¹. В этой «слезинке» Троцкий дважды называет дату смерти: 27 декабря, – почему? Ведь все газеты писали, о самоубийстве 28 декабря 1925 года! Немного терпения, и мы увидим исток этой странной ошибки, хотя нет, не ошибки! Он знал точную дату убийства! И мы увидим, почему.

Есенин же думал о Троцком если не всегда, то очень часто, причем без всякого пиэтета. И в конце концов сделал его – под фамилией Чекистов – центральным персонажем незаконченной пьесы «Страна негодяев». Которая не СССР (как мог бы кто-нибудь подумать, зная ненависть Есенина к большевикам), а САСШ – Северо-Американские Соединенные Штаты, согласно тогдашнему правописанию.

Чекистов – предельно отрицательная личность, и на его слова:

*Нет бездарней и лицемерней,
Чем ваш русский равнинный мужик!*¹²,

другой персонаж, Замарашкин, язвит:

*С каких это пор
Ты стал иностранец?
Я знаю, что ты жид,
Фамилия твоя Лейбман,
И черт с тобой, что ты жил
За границей...*¹³

Чекистов, осаживает:

*Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей,
А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей*¹⁴.

(То, что Троцкий годы эмиграции провел в Вене, а не в Веймаре, ровным счетом ничего не означает. Скорее всего, Веймар – просто маскировочная деталь, потому что Вена тоже укладывалась в стихотворный размер.)

Должен со стыдом признаться, что до самого последнего времени я относился к творчеству Есенина без должного внимания. Конечно, многие его стихи, особенно положенные на музыку, я знал и ощущал весь трагизм строк:

*Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.
И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роца золотая
Отговорила милым языком.¹⁵*

Но вот полностью увидеть масштаб его таланта, понять, что в «табели о рангах» это второй после Пушкина, а может быть, даже стоящий наравне с ним поэт, я еще не мог.

Перелом произошел, когда купил 600-страничный сборник его стихотворений и поэм «Москва кабацкая» и прочитал его стихи (не пролистал!) с начала до конца, от первой, напечатанной в 1913 году, «Березы» до «Анны Снегиной» и «Черного человека», и только тогда понял абсолютную правоту слов Пастернака: «...Есенин был живым, бьющимся комком той артистичности, которую вслед за Пушкиным мы зовем высшим моцартовским началом»¹⁶.

Стихотворное наследие Есенина открывается «эротическими», как сказали бы сейчас, строками 1910-1911 годов:

*Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.
Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.¹⁷*

*...А пойду плясать под гусли,
Так сорву твою фатую
В терем темный, в лес зеленый,
На шелковы купыри,
Уведу тебя под склоны
Вплоть до маковой зари.¹⁸*

И продолжается картина не только деревенской идиллии:

*От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.¹⁹*

но и деревенской трагедии, по-есенински показанной через судьбу собаки или коровы:

*Дряхлая, выпали зубы,
Свиток годов на рогах.
Бил ее выгонщик грубый
На перегонных полях.*

*Сердце неласково к шуму,
Мыши скрубут в уголке.
Думает грустную думу
О белоногом телке.*

*Не дали матери сына,
Первая радость не прок.
И на колу под осиной
Шкуру трепал ветерок.*

*Скоро на гречневом сее,
С той же сыновней судьбой,
Свяжут ей петлю на шее
И поведут на убой.*

*Жалобно, грустно и тоще
В землю вопьются рога...
Стинся ей белая роца*

Да и какая это корова! Старуха-крестьянка, измотанная непосильным трудом и деторождениями, ибо «Бабий век – сорок лет»...

«Деревенские» стихи, которыми он сразу покорял всех, начиная с Блока, были, конечно, «лубочными картинками» (не следует понимать слово «лубочные» как бранное, оно не несет уничижительного смысла, – это, согласно Далю²¹, русская национальная гравюра, резавшаяся суздальскими умельцами на лубе, мягком подслое липовой коры).

А в Спас-Клепиках, где мужал талант поэта и где он окончил двухгодичное церковно-приходское училище, получив «звание учителя школы грамоты»²² (этого звания он почему-то стыдился, – не потому ли. что школа была церковно-приходская? – хотя писал очень грамотно, в отличие от иных поэтов, и даже работал корректором в типографии Сытина), – в этом «небольшом, но очень богатом торговом селе»²³ окружающая действительность была иной.

«Там и сям лежат и висят кожи убитых животных, <...> [которые] издают большой и очень скверный запах». Тряпичники привозили «отвратительного вида» тряпье, сваливали в сараи, оттуда тащили к реке, пониже села, там кипятили «в котлах с медным купоросом», затем промывали в реке. «Запах пареных тряпок и хлорной извести, разлагающейся крови и животных остатков убоя, кож свиней и гниющих луж...». «Рязанские лужи пересыхают летом, клепиковские никогда...»²⁴ – уж куда язвительнее писал один заезжий из Рязани журналист...

А все-таки, наряду с этим, в селе в 1895 году устроили мужики бесплатную библиотеку с несколькими сотнями книг²⁵ (не говоря уже о книгах, находившихся в училище). Поэту было что читать и годы спустя поражать собеседников своими обширными познаниями в литературе, так что Илья Эренбург несказанно удивился: «...он читал в переводе Верлена, даже Рембо...»²⁶.

И если говорить о «лубочности» стихотворений в этом периоде творчества Поэта, то она была способом уйти от низкой, отвратительной реальности в пушкинскую «обитель <...> чистых нег»²⁷. Как сейчас говорим, способом создать иную, приемлемую для себя «внутреннюю модель мира в своем сознании». А когда прошли «годы странствий», – тогда образы природы своими нарочито скупыми красками показали высокую философичность, доступную любому читателю, особенно если он подводит итоги своей жизни:

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник –
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер вдаль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.²⁸

Стихи засквозили трагическими признаниями:

Был я весь – как запущенный сад,
Был на женщин и зелье падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки.²⁹

Я тем завидую,
Кто жизнь провел в бою,
Кто защищал великую идею.
А я, сгубивший молодость свою,
Воспоминаний даже не имею.³⁰

как и предчувствием (это уже в 1924 году!) близкой смерти – он ведь помнил все свои аресты, из которых несколько совершили люди с Лубянки³¹:

Себя усопшего
В гробу я вижу
Под аллилуйные
Стенания дьячка.
Я веки мертвые себе

Спускаю ниже,
Кладя на них
Два медных пяточка.

Биограф одного знаменитого человека XIX века писал, что тот не «вращался в высшем свете», а бешено крутился в нем, подобно вентилятору. Именно это сравнение приходит на ум, когда знакомишься с хроникой жизни и творчества Есенина за отведенные ему судьбой последние десять лет.

Ведь только в одном 1915 году стихотворения Есенина одно за другим печатают журналы «Мирок», «Друг народа», «Марс», «Женская жизнь», «Млечный путь», «Задушевное слово», «Новый журнал для всех», «Огниво», «Голос жизни», «Доброе утро», «Лукоморье», «Огонек», «Северные записки», «Русская мысль», «Ежемесячный журнал», «Весь мир», газеты «Кубанская мысль» и солиднейшая петербургская «Биржевые ведомости», – повторю, это лишь за один год!³² Стихи, которые песенностью своей брали за душу каждого, стали известны всей читающей России.

А добавить надобно, что его имя, как «нашего автора», для рекламы печатают на обложках журналов! Не зря С.М.Городецкий пишет поэту о «возрастающей известности» его в Петрограде и Москве. Все это чрезвычайно льстило самолюбию «крестьянского поэта», крайне равнодушного к чужой славе – славе Шалыпина, например...

Есенин был по-крестьянски хитер, «себе на уме», мог притвориться и рубахой-парнем, и простачком-«пастушком». Он говорил Мариенгофу: «...Очень неврдно прикинуться дурачком... Знаешь, как я на Парнас всходил? <...> Пусть, думаю, каждый считает: я его в русскую литературу ввел. Им приятно, а мне неплевать. Городецкий ввел? Ввел. Ввел Клюев? Ввел. <...> И Мережковский с Гиппиусихой, и Блок, и Рюрик Ивнев...»³³

Здесь очень к месту оказывается тема, весьма раздражающая поклонников «идеального поэта». Дело в том, что золотоволосый Есенин в годы юности был необыкновенно красив, напоминая своим обликом «аркадского пастушка», как рисовали этих персонажей французские живописцы. Женщины в него влюблялись мгновенно и навсегда (достаточно вспомнить потрясение Айседоры Дункан, увидевшего поэта впервые), но не только женщины.

Не избежал чар Есенина поэт Сергей Городецкий из кружка «Друзья Гафиза», созданного поэтом Кузьминым, отличавшимся, как говорится, «нестандартной ориентацией»:

Разлился соловкй вдали,
Порхают золотые птички!
Ложись спиною вверх, Али,
Отбросив женские привычки!³⁴

Гомосексуалистом был и крестьянский поэт Николай Клюев, «положивший глаз» на Есенина. Как писал друг Сергея Владимир Чернавский, Клюев «совсем подчинил нашего Сергуньку», «поясок ему завязывает, волосы гладит, следит глазами». А Есенин рассказывал, что когда уходит на свиданье к женщине, Клюев «...на пол, посреди номера сидит и воет во весь голос по-бабьи: не ходи, не смей к ней ходить!»³⁵: в Петербурге они некоторое время жили в одном гостиничном номере.

По мнению знатока «половых вопросов» Игоря Семеновича Кона, нельзя исключать и гомосексуальных отношений между Есениным и Мариенгофом, не раз спавшими в одной постели, каковое заключение он делает, цитируя стихотворение 1922 года «Прощание с Мариенгофом», посвященное отъезду Поэта в Европу вместе с Айседорой Дункан:

...Возлюбленный мой! дай мне руки –
Я по-иному не привык, –
Хочу омыть их в час разлуки
Я желтой пеной головы.

.....
Другой в тебе меня заглушит.
Не потому ли – в лад речам –
Мои рыдающие уши,
Как весла, плещут по плечам?

Прощай, прощай. В пожарах лунных
Не зреть мне радостного дня,
Но все ж средь трепетных и юных
Ты был всех лучше для меня.

Впрочем, разобрав все возможные варианты, Кон соглашается с Гордоном Маквеем, английским знатоком творчества Есенина, что тот был «латентным бисексуалом», и заключает «такую формулу можно применить практически к любому мужчине»³⁶.

Вернемся, впрочем, к 1915-му году, когда судьба свела Есенина с полковником Д.Н.Ломаном – литератором, очень известным православно-монархическим общественным деятелем, редактором «Царскосельской газеты» и ктитором – церковным старостой царскосельского Феодоровского собора.

Громадного роста и атлетической фигуры полковник был частым гостем Распутина, фотографировался с ним, – и «старец» запиской обратил внимание Ломана на Клюева и Есенина: «Милой, дорогой, присылаю к тебе двух парашков. Будь отцом родным, обогрей. Робяты славные, особливо этот белобрысый. Ей Богу, он далеко пойдет».³⁷

Так что когда в следующем году Есенин был призван в армию, дорога ему пролегла не в окопы, а в «Царскосельский военно-санитарный поезд №143 Императрицы Александры Федоровны», – Уполномоченным Ее Величества по этому поезду был Ломан.

Он для начала отвез обоих поэтов в Москву, где они читали стихи в лазарете Марфо-Мариинской общины на Большой Ордынке. Затем выступили перед Великой княгиней Елизаветой Федоровной и ее гостями, в числе которых были художники Васнецов и Нестеров.

Работа санитаря не была синекурой. Хотя Есенину и давались увольнительные в Петербург для выступлений на различных литературных собраниях, в том числе благотворительных, и для посещения редакций, – но за опоздание с возвращением из поездки он получил однажды 20 суток ареста. А обмундирование должен был покупать себе сам (да, да, – таковы были тогдашние порядки!), и при мизерном солдатском жаловании было это непросто, – недаром он вместе с Клюевым подавал неоднократно прошения в различные благотворительные организации насчет «вспомоществования»³⁸: Ломан наказывал за обтрепанный внешний вид...

И вообще, санитарный поезд не убивал праздное время в станционном тупике. Периодически совершались поездки на фронт, конечно, не к передовым частям, а к тыловым госпиталям, где забирались раненые и отвозились в лазарет при Феодоровском соборе в Царском селе. Всё это время Есенин непрерывно писал стихи, а когда госпиталь посетила императрица Александра Федоровна с дочерьми, он читал им сочиненные к этому случаю стихи, за которые его потом клеймили большевики:

В багровом зареве закат шипуч и пенен,
Березки белые горят в своих венцах.
Приветствует мой стих молодых царевен
И кротость юную в их ласковых сердцах.

Где тени бледные и горестные муки,
Они тому, кто шел страдать за нас,
Протягивают царственные руки,
Благословляя их к грядущей жизни час.

На ложе белом, в ярком блеске света,
Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть...
И вздрагивают стены лазарета
От жалости, что им сжимает грудь....

Растроганная императрица передала полковнику Ломану золотые часы на цепочке «для Есенина», – но до него они не дошли, – что опять-таки не мешало большевикам впоследствии клеймить поэта за «прислужничество»...

Спросите у любого, кто такой Есенину – услышите: стихотворец. А он ведь был неплохим прозаиком и теоретиком литературы, в филологическом исследовании «Ключи Марии» пытался найти связи между русскими буквами и русской изыбаной архитектурой, бытовыми крестьянскими орнаментами. Кто такая Мария? «...На языке сектантов-шелапутов означает душа», – пояснил Есенин (зная об этом, несомненно, от Клюева, который одно время входил в секту хлыстов³⁹.)

Именно размышления о сути поэтического творчества привели Есенина к выдвинутому (совместно со своими друзьями, поэтами Анатолием Мариенгофом и Владимиром Шершеневичем) совершенно новому литературному направлению – имажинизму, от французского *image* – образ.

Термин предложил Мариенгоф, еще когда жил в Пензе, а после встречи с ним в 1918 году Есенин создал в Москве «Орден имажинистов» и стал самым активным его пропагандистом. Звдачу свою имажинисты видели в том, чтобы попытаться дойти до глубиннейшей сути каждого слова, – то есть, вскрыть его метафорическое значение. Чтобы эту метафору или даже цепь метафор читатель смог внутренним взором увидеть во всем богатстве и блеске образов.

Имажинисты организовали «Ассоциацию вольнодумцев», издавали теоретико-литературный журнал «Гостиница для путешественников в прекрасном», получили разрешение властей на четыре издательства («Имажинисты», «Плеяда», «Чихи-Пихи», «Сандро»), для заработка содержали кафе «Стойло Пегаса»... Счастливые послереволюционные годы, когда большевики, озабоченные удержанием власти в своих руках, еще снисходительно относились в странном и малопонятным стихам имажинистов!..

Счастливые и недолгие...

Уже в марте 1921 года вопрос «О сборнике порнографических стихотворений „Золотой кипяток“, Есенина, Мариенгофа и Шершеневича» рассматривал Главный политико-просветительный комитет республики и

потребовал срочного расследования «с привлечением к строжайшей ответственности виновных в даче разрешения, печатания и распространения этого сборника»⁴⁰

Власть звериным своим инстинктом чувствовала антибольшевистскую натуру поэта. Которая через шесть лет после создания «Ордена имажинистов» – далеко от Москвы, в тогда еще чуть-чуть свободном городе Баку, – вдруг открыто вырвалась наружу признанием:

*...Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.*

*Я не отдам ее в чужие руки,
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она вверяла звуки
И песни нежные лишь только пела мне.*⁴¹

Арестовывали его по одной и той же схеме. Когда хмелел и начинал ругательски говорить с собутыльниками, сидевший обычно за соседним столиком «некто в штатском» выходил и возвращался с постовым милиционером. Требуя, как пишет Эдуард Хлысталов, «привлечь поэта к уголовной ответственности <...>, даже называли статьи уголовного кодекса, по которым Есенина следовало судить».⁴²

Пушкин горько сожалел, обращаясь к морю, что не удалось по его бурным волнам «направить... поэтический побег»⁴³. Слова же, приписываемые Пушкину и ставшие крылатыми: «И черт меня дернул родиться в России с умом и талантом», – это апокриф: все попытки отыскать источник в Полном собрании сочинений и Интернете успехом не увенчались, что понятно: Пушкин ведь не раз отмечал в дневнике, что хлесткую фразу или эпиграмму непременно припишут ему.

С Есениным же – никаких сомнений. В Атлантическом океане на борту парохода «Париж» Есенин 7 февраля 1923 года написал письмо имажинисту Александру Кусикову (Кусикяну), жившему тогда в Берлине:

«...Сандро, Сандро! тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, вспомню, что там ждет меня, так и возвращаться не хочется... Если бы я был один, если бы не было сестер, то плюнул бы на все и уехал бы в Африку или еще куда-нибудь. Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть. Надоело мне это блядское снисходительное отношение власть имущих, а еще тошней переносить подхалимство своей же братии к ним...»⁴⁴

Хотел на свободу и даже недолгое время, каких-то четыре месяца, дышал ее воздухом вместе с балериной-«босоножкой» Айседорой Дункан (с которой познакомился 3 октября 1921 года и скоропалительно женился, только чтобы вырваться из совдепии!⁴⁵), – но порвать с дорогими его сердцу сестрами, с той избяной Русью, которую любил больше жизни, не мог. Да и языковой барьер...

Не знающий ни одного иностранного языка, он видел заграничную жизнь только из окна автомобиля, железнодорожного вагона, или из-за стола ресторана, никого ни о чем не мог спросить и, хуже того, услышать ответ. Крайне мнительный, думал, что над ним смеются, тряс Айседору за плечи и орал: «Что они обо мне говорят?!» А репортеры писали о нем, что ему, 25-летнему, нельзя дать более 17 лет – «очередному мужу стареющей великой Дункан».

И пора сказать два слова об этой женщине, сыгравшей такую сверхважную роль в жизни Поэта.

Один из ее биографов пишет в статье "Танец томительного обнажения"⁴⁶:

"...Айседора была самой смелой из всей семьи, и когда совсем нечего было есть, она отправлялась к мяснику и с хитростью выманывала у него мясо в долг.

Позже Дункан применит этот метод и к концертмейстерам, не желающим заключать контракты с танцовщицей-самоучкой.

...Однажды, когда усталая мать пришла домой, она обнаружила Айседору в окружении полдюжины соседских детей, выполняющих под ее командованием различные движения. Шестилетняя Дункан заявила, что это ее школа танца.

По вечерам мать играла детям Шопена, Шуберта, Моцарта, Бетховена, а Айседора сочиняла танцы. Она просто размахивала руками и импровизировала – позже эти движения станут известным на весь мир стилем танца Айседоры Дункан".

Она танцевала не в балетных туфельках, а босая, и получила титул «босоножки», — но родилась манера от бедности: не было денег для покупки пуант, и она говорила, что босые ноги приближают ее, обожающую с пяти лет танец, «к истокам цивилизации».

Детство прошло под знаком чудовищной нужды (в семье были еще брат и двое сестер, отец их бросил и бежал неизвестно куда), поэтому, бросив школу в тринадцатилетнем возрасте, Айседора (Дора Анджела по метрике), она прибилась к бродячей балетной труппе.

В Чикаго она пришла к режиссеру Огастину Дейли и произнесла перед ним такую пламенную речь об искусстве танце, что тот подписал с ней контракт. на выступлении босиком и в полупрозрачной тунике.

Она танцевала у него несколько сезонов, а потом начала самостоятельную артистическую карьеру. Но... по-прежнему карьеру беднячки. Собрал денег у поклонников, уехала в Лондон, потом в Париж, где покорила всех, в том числе 60-лет-него скульптора Огюста Родена, в которого влюбилась, но стать его любовницей не решилась... Да, да, — выскользнула из объятий и убежала...

Больше они никогда не виделись.

Потом были Вена, Берлин — там на ее пути встал художник, театральный декоратор и постановщик, великий Гордон Крэг, о котором она написала: «...его белое, светящееся тело, возникшее из кокона одежд, засияло перед моими ослепленными глазами во всём своём великолепии... Едва мои глаза успели насладиться его красотой, как он привлёк меня к себе, тела наши переплелись, растворяясь друг в друге. Словно пламя встречало пламя, мы горели в одном ярком огне. Наконец-то я встретила свою пару, свою любовь, самоё себя, ибо мы были не вдвоем, но одно целое...»

А Айседора была по-прежнему на грани бедности.

У нее было сорок девчонок-учениц и никаких денег. И произошло чудо. Американский миллионер Парис Эжен Зингер из всемирно известного клана Зингеров (швейные машины!) без стука вошел в ее парижскую артистическую уборную...

Изадора (так ее называли в СССР, буквально прочитывая ее имя Isadora) приехала в начале 1921 года в Москву по приглашению советских властей, которые хотели организовать советскую школу танца. Со школой получилось не очень, она выступала со своими танцами в «бывшем Зиминском театре», — и там всегда был аншлаг.

Художник Георгий Якулов устроил у себя в тот день пирушку. И пообещал Есенину познакомить с Изадорой. Мариенгоф вспоминал:

«...Есенин даже привскочил со скамьи:

— Где она... где?.. Веди!

И понеслись от Зеркального зала к Зимнему, от Зимнего к Летнему, от Летнего к оперетте, от оперетты обратно в парк [Эрмитаж] шаркать глазами по скамьям.

Изадоры Дункан не было».

Она приехала в студию к Якулову в первом часу ночи. Легла на диван, а Есенин у ее ног. Потом поцеловала его в губы. В четвертом часу утра они уехали к ней, в подаренный властями особняк на Пречистенке.

Мариенгоф описал в своем «Романе без вранья», как Айседора исполняла свой знаменитый «Танец с шарфом» перед Есениным:

«Узкое и розовое тело шарфа извивается в ее руках. Она ломает ему хребет, беспокойными пальцами сдавливая горло. Беспощадно и трагически свисает круглая шелковая голова ткани. Дункан кончила танец, распластав на ковре судорожно вытянувшийся труп своего призрачного партнера.

Есенин впоследствии стал ее господином, ее повелителем... И всё-таки он был только — партнером, похожим на тот кусок розовой материи — безвольный и трагический.

Она танцевала.

Она вела танец».

Обычно хитрый, а тут наивный, он не подозревал, что многие его поклонники и собутыльники — стукачи. Взять хотя бы того же Сандро Кусикова. Чекисты арестовали 19 октября 1920 года Есенина вместе с Сандро и его братом Р.Б. Кусиковым. Довольно быстро всех выпустили, но Сандро свое заявление на имя следователя ВЧК (спустя пару дней отсидки) подписал поразительно: «Готовый к услугам»⁴⁷!.. И сразу же этому «другу Есенина» разрешили выезд за границу, чем он и воспользовался, осев в Берлине среди русских эмигрантов (понятно, с какой целью).

Есенин же в Берлине, захмелев, вдруг высказался: «Не поеду в Москву, пока Россией правит Лейба Бронштейн. Он не должен править». Как сообщают в своей статье Инна Свеченовская и Виктор Кузнецов, об этом сообщил «куда надо» некто Глеб Алексеев⁴⁸. Но даже если поносные слова и дошли до «объекта», он их пропустил (если пропустил...) мимо ушей. И как только Есенин с Айседорой Дункан ее гастрольной поездки по Европе и США вернулись в Москву, Наркомвоенмор РСФСР тут же пригласил поэта к себе.

Это была их вторая встреча.

Первую устроил пару лет назад тогдашний начальник охраны Троцкого Яков (Симха-Янкев Гершевич) Блюмкин⁴⁹, бывший левый эсэр и член одесской боевой дружины, убивший германского посла графа Мирбаха, что было ему легче легкого, как начальнику отдела «по наблюдению за охраной посольств и их возможной преступной деятельностью»⁵⁰... Есенин преподнес Троцкому (между прочим, незаурядному писателю и стилисту, следившему за литературой, насколько ему это удавалось) журнал «Гостиница для путешествующих в прекрасном», — в ответ хозяин кремлевского кабинета достал из письменного стола точно такой журнал, чем, как написал Мариенгоф, «сразу и покорила Есенина»⁵¹.

А Блюмкин в 1919 году подписал вместе с Шершеневичем, Мариенгофом и другими устав созданной Есениным «Ассоциации вольнодумцев в Москве», Мариенгоф же задним числом описывал целыми днями сидевшего в «Кафе Поэтов» чекиста как труса и неврастеника, беспрестанно хватающегося за револьвер:

«...Блюмкин сделал из нас свою охрану... Перед закрытием на ночь Кафе Поэтов Блюмкин всякий раз умоляюще говорил:

— Толя, Сережа, друзья мои, проводите меня!

...Мы почти каждую ночь его провожали...»⁵²

«Толе и Сереже», называвшим этого завсегда кафе Яшей, Яшкой и Яшенькой, было невдомёк, что тот, незаурядный актёр, выполнял за столиком и по дороге домой оперативное задание, «ласково, заискивающе»⁵³ прилепившись к нашим поэтам. (А он был совсем не мелкой сошкой ВЧК: организовывал не состоявшиеся покушения на гетмана Скоропадского, на командующего германскими войсками на Украине фельдмаршала Эйхгорна, на адмирала Колчака; успешно сверг главу Персии Кучек-хана и создал Иранскую компартию, подавлял восставших крестьян России, командовал нелегальной резидентурой в Палестине, снабжал оружием и инструкторов боевиков германской компартии, пытался свергнуть в Тибете Далай-ламу XIII...⁵⁴.)

Но поскольку эти двое ничего «такого-этакого» не говорили, Блюмкина «перевели на другую работу»⁵⁵: добровольных и штатных доносчиков и без него было вокруг Есенина пруд-пруди. Сейчас их имена вытаснены на белый свет, и, читая список, только горько качаешь головой: начинающий стихотворец Иван Приблудный (Овчаренко), стихотворец Вольф Эрлих (под маской друга-обожателя), Сандро Кусиков и другие, не столь известные...⁵⁶

Впрочем, некоторая польза от Блюмкина была: под его поручительство арестованного в сентябре 1920 года Есенина выпустили из тюрьмы ВЧК. Ему еще предстояли встречи с этим типом – «большим, жирномордым, черным, кудлатым, с очень толстыми губами, всегда мокрыми»⁵⁷.

О чем говорили с глазу на глаз Есенин, приглашенный 20 августа 1924 года в Кремль к Троцкому, точно не известно. Поэт упоминает о встрече только в письме Айседоре Дункан 29 августа того года: «Был у Троцкого. Он отнесся ко мне изумительно, мне дают сейчас большие средства на издательство»⁵⁸.

Однако «большие средства на издательство» оказались то ли неверно понятыми словами вождя, то ли, по трезвому размышлению Есенина, мышеловкой. Пусть рисовалась туманная перспектива стать «государственным поэтом», но куда яснее виделось, чем именно придется расплачиваться: стать подобием Маяковского: «...главный штабс-малляр, / поёт о пробках в Моссельпроме».⁵⁹ Превратиться в инструмент отказался, - и как бы разговора вовсе не было...

Впрочем, в предисловии к опубликованной 22 августа в «Известиях» статье «Железный Миргород» – первой из задуманного цикла впечатлений об Америке, Есенин помянул и этого как бы литературоведа, который писал всё самолично, без «литературных негров»:

«Я не читал прошлогодней статьи Троцкого о современном искусстве, когда был за границей. Она попалась мне только теперь, когда я вернулся домой. Прочел о себе и грустно улыбнулся. Мне нравится гений этого человека, но видите ли?.. Видите ли?..

Впрочем, он замечательно прав, говоря, что я вернусь не тем, чем был.

Да, я вернулся не тем.

Много дано мне, но и много отнято. Переवेशивает то, что дано»⁶⁰.

«Гений этого человека»... Так сказать может только тот, кто действительно чувствует симпатию к «вождю». Но тогда как быть с написанным парой строк выше: «Прочел о себе и грустно улыбнулся?»

Непросты отношения любой личности, а тем более, поэта, с властью, – тем паче, властью неограниченной..

О «Железном Миргороде», где была шпилька: «До чего бездарны поэмы Маяковского об Америке!»⁶¹, пошли резкие отзывы (так, «Правда» напечатала издевательский фельетон «Сергей Есенин в Америке: Личные воспоминания. Напечатано на правах декрета в „Известиях ЦИКа СССР и РСФСР,»), и «Миргород» был навсегда брошен... Кстати, паспорт для поездки в Соединенные Штаты Северной Америки поэту выдало в Париже «Консульство Временного правительства России», как это ни парадоксально!⁶²

Еще и потому бросил, что наверняка ощутил: именно эта проза, вне зависимости от его намерения, для читателя, особенно высокопоставленно-партийного, выглядела весьма «антисоветской».

Ведь во-всю сквозило восхищение Соединенными Штатами: «Перед Америкой мне Европа показалась старинной усадьбой»⁶³. Вместе с Айседорой он в автомобиле побывал в Потсдаме, Любеке, Франкфурте-на-Майне, Веймаре, Висбадене, а по железной дороге проехал через Кёльн, Ахен, Париж, Венецию, Падую, Флоренцию, Рим, Неаполь, Милан, Турин, Лион⁶⁴, – имел возможность сравнивать их с множеством городов и штатов США.

Была и другая шпилька, снятая редактором в окончательном тексте:

«У какого-то смешного поэта, написавшего «сто пятьдесят лимонов» [Есенин пародийно обыгрывал название поэмы Маяковского „Сто пятьдесят миллионов» и блатное название «лимоны» советских «дензнаков» с их миллионными цифрами достоинств], есть строчки о Чикаго как символе Америки:

«Пройдешь

За ступеней ступня

И еще ступня,

Ступеней этих до самых чертиков»⁶⁵.

...Оно, положим, и есть ступени, но никто по ним не ходит, потому что ступени эти «чертиковы» существуют только на пожарные случаи. А поднимаются там исключительно в лифтах в 3-4 секунды до 46 этажа».⁶⁶

И пусть всеми силами автор старался показать себя стоящим «на советской платформе»⁶⁷, пусть сделал в «Железном Миргороде» реверанс в сторону правящей Русью идеологии («...я еще больше влюбился в коммунистическое строительство»⁶⁸), – его, Есенина, диссидентская, «антикоммунодиктатская» сущность вылезла

наружу в Тифлисе (как назывался нынешний Тбилиси), в стихах, написанных в Баку в октябре 1924 года для редакции газеты «Заря Востока»:

*Так грустно на земле,
Как будто бы в квартире,
В которой год не мыли, не мели.
Какую-то хреновину в сем мире
Большевики нарочно завели.⁶⁹*

За год перед этим, 20-21 ноября 1923 года, Есенин вместе с поэтами Клычковым, Орешиним и Ганиным попал под чекистский арест.⁷⁰ Они сидели в пивной, а незнакомец прислушивался к их разговору, и его кто-то из четверки осадил. Тот вышел и вернулся с двумя милиционерами: дескать, «оскорбляют вождей революции»!

В тюрьме Есенин заполнил анкету для задержанных и подписал протокол допроса. А на следующий день журналист Лев Сосновский, большевик, член партии с 1904 года, напечатал статью в «Рабочей Москве», обвинив Есенина в антисемитизме – за это могли и расстрелять... Неизвестно, кто вызволил поэтов и передал дело в Союз писателей, в товарищеский суд, но там события пошли по непредвиденному сценарию: Сосновского, выступавшего в роли обвинителя, назвали клеветником!⁷¹

Чекисты не успокоились, и осенью 1924 года затеяли дело «Ордена русских фашистов». Провокаторы устраивали пирушки, ругали большевиков. А однажды предложили поэту Ганину написать список министров, когда недовольные захватят власть. С усмешечкой Ганин это выполнил, и министром просвещения записал Есенина. Тот взбеленился, и Ганин на это место вписал поэта Приблудного. Когда же в ноябре 1924 года «главу тайной организации» Ганина арестовали, он сошел с ума от допросов. Судебная экспертиза установила его невменяемость⁷², но его все равно расстреляли 30 марта 1925 года...

Есенин знал об аресте Ганина, с которым был дружен и у которого несколько лет назад «отбил» свою первую жену, красавицу Зинаиду Райх (хотя о «русских фашистах» не подозревал ничего: дело было абсолютно секретным, в печать не просочилось ни строки), – и тут понял, что закручивается нечто крайне серьезное...

Стремительно, как всегда (таков был его стиль!), женился на двадцатипятилетней внучке Льва Толстого, Софье Андреевне, бывшей любовнице Бориса Пильняка, который познакомил их 10 марта. В июле Есенин с Толстой уехали в Баку, три месяца спустя зарегистрировали брак⁷³. Она, работавшая в библиотеке Союза писателей была очень не прочь... А его влекло к ней тщеславие: как же, внучка великого Толстого!.. Ну и, конечно, страх перед «органами»...

Но перед официальной женитьбой, возвращаясь 6 сентября из Баку, Есенин попал в серьезнейшую передрагу. Возле Серпухова, нетрезвый, пошел в вагон-ресторан и устроил скандал, потому что прибалтийский дипкурьер Адольф Рога сделал ему замечание и в ответ получил, как говорится, «по полной программе». Дипкурьер – дипломатический работник, лицо неприкосновенное, но замечательна скорость реакции властей: сойдя с поезда через час с небольшим в Москве, поэт был арестован вместе с женой. Обвинение – антисемитизм, потому что спутнику дипкурьера, некоему Левиту, Есенин «ответил резкостью, задев его национальность»⁷⁴.

Тут уж и Луначарский не смог остановить уголовное преследование: Рог и Левит пожаловались в Наркомат иностранных дел. Было ясно, что в суде Есенина, скорее всего, возьмут под стражу...

В попытках уйти от суда он ложится в психиатрические клиники – одну, вторую, третью... Врачи, выполняя свой долг, не отдают Есенина чекистам, которые навешиваются в клиники с весьма решительными намерениями. А перед этим поэт приходит к своей первой «гражданской жене» Анне Изрядновой, чтобы сжечь в печи какую-то очень толстую пачку бумаг...

...Сбежав из последней клиники (что было невозможно без сильного покровителя), Есенин снял со сберкнижки почти все деньги и, зайдя в Госиздат, оставил заявление: все прежние доверенности он аннулирует, гонорары выдавать только ему лично.

В Госиздате денег не оказалось (конец года!), зато откуда-то вынырнул прозаик Тарасов-Родионов – как теперь известно, бывший сотрудник «органов» – и затащил Есенина в пивную. Впрочем, некий полковник уже в наши дни категорически заявил: «бывших чекистов не бывает». Вот под пиво Тарасов-Родионов и взялся за прежнее: стал выяснять, за Сталина или за Троцкого поэт. Не впрямую, понятно, поинтересовался, а намеками, околицей...

Осторожности Есенин не терял, пока был трезв. Но, захмелев, назвал «шкурой продажной» председателя Моссовета троцкиста Каменева (свояка Троцкого, на его сестре женатого), который-де в 1917 году из Туруханского края послал поздравительную телеграмму брату царя, Михаилу (его прочили на престол вместо отрекшегося государя). Воцарение Михаила не состоялось, а телеграмма, мол, спрятана им, Есениным, в надежном месте... Выходило, что Есенин за Сталина и, глядишь, доставит ему компромат на Зиновьева, а значит, и на Троцкого...

Скорый поезд до Ленинграда отойдет в 17-00. На календаре 23 декабря... Сейчас принято думать, что Есенин, наверное, хотел из Ленинграда нелегально уйти за рубеж, для этого и деньги снимал. Но своими хмельными словами Есенин, сам того не понимая, попал в самые что ни на есть жернова партийной схватки...

Потому что с 18 декабря уже продолжался XIV съезд ВКП(б), на котором шла жесточайшая схватка за власть между Сталиным и Троцким, который сидел в зале тихо, но вместо него атаку вел Зиновьев. Пресловутая телеграмма могла стать сильной козырной картой Сталина. Это означало для человека Троцкого, каким был Тарасов-Родионов, что ее необходимо уничтожить.

И пока Есенин добирался до вокзала, его собутыльник (расстрелянный в 38-м, он в тюрьме написал о разговоре с Есениным)⁷⁵ доложил «куда следует». Дальше, несомненно, прозвучал телефонный звонок в городе не Неве, а «градона начальником» его был Зиновьев...

Так что поэт утром 24 декабря взяли из московского поезда ленинградские чекисты тоже «куда следует»... Но не на Проспект Майорова 10/24, в гостиницу «Англетер» (о которой потом писали во всех статьях и воспоминаниях о «самоубийстве» Есенина), а скорее всего, в дом 8/23 напротив – в следственный изолятор госбезопасности.

И там стали допытываться: где тайник с телеграммой? А Есенин молчал. Потому что, как полагает Станислав Куняев, исследователь гибели Есенина, «хмельной поэт блефовал»⁷⁶ перед Тарасовым-Родионовым, говорил, только чтобы обругать покрепче Каменева. В Ленинграде имели, конечно, строжайший приказ: письмо найти! И начался допрос с пристрастием...

Ганин, как мы знаем, от таких допросов сошел с ума.

С Есениным тоже не церемонились: на посмертном неотретушированном негативе видны **«пулевое отверстие над правым глазом и след от удара, очевидно, рукояткой револьвера в лоб»**⁷⁷, пишет Виктор Кузнецов, доцент кафедры литературы Санкт-Петербургской академии культуры. (В дальнейшем буду неоднократно ссылаться на его фундаментальную, по сути детективную, книгу «Тайна гибели Есенина», изданную еще в 1997 году.) А секретарь похоронной комиссии Павел Лукницкий записал: «Один глаз на выкате, другой вытек»⁷⁸.

«Не трудно догадаться», – пишет осторожно Кузнецов, что между гостиницей и домом 8/23 «существовали секретные подвальные ходы». Так ли это, уже не установишь: оба здания снесены в конце 80-х годов. «И концы в воду...» Через такой ход, наверное, и попал труп Есенина в «Англетер», – не по улице же несли!..

Так что выводы Кузнецова из его расследования не оставляют камня на камне от аргументации сторонников версии «самоубийство».

Во-первых, в «Англетере» Есенин 24-27 декабря НЕ ПРОЖИВАЛ⁷⁹.

Во-вторых, НЕ БЫЛО в 5-м номере НИКАКОЙ ВАННЫ.

В-третьих, НИКАКОЙ Есенин НЕ СКАНДАЛИЛ насчет отсутствия в ванне горячей воды, и НЕ МОГЛИ его видеть лже-очевидцы, написавшие об этом в своих лже-воспоминаниях.

В-четвертых, НЕ СИДЕЛ Есенин в этом номере безвылазно несколько суток, как написал, увы, доверившийся мемуаристам (во всем остальном добросовестный) бывший следователь МУРа, полковник милиции Эдуард Хлысталов⁸⁰, который вел собственное расследование, не выезжая из Москвы.

В пятых, НЕ УСТРАИВАЛ поэт в «Англетере» пирушку, после которой все разошлись, оставив якобы его одного (всё, что Хлысталовым об этом написано по пресловутым «воспоминаниям», – увы, «художественный вымысел»).

Тем не менее, утром 28 декабря все увидели мертвого Есенина в пресловутом 5-м номере! Это неоспоримый ФАКТ.

Тайну появления трупа выяснили начавший расследование Эдуард Хлысталов и шедший своим путем Виктор Кузнецов, который открыл много новых подробностей и фамилий людей, так или иначе причастных к преступлению

Убили поэта в «доме напротив» в воскресенье 27 декабря, тут же о смерти опасного «владельца телеграммы» доложили Троцкому. Тот обрадовался и невольно запомнил дату этого успокоительного (вот именно!) сообщения, – а потом в «крокодилослезной» статье цифра 27 появилась два раза.

Можно явственно представить, как затирали чекисты следы своего преступления, как направляли следствие по ложному пути. Поскольку №5 был не совсем жилой, комнату спешно кое-как обставили мебелью и бросили туда есенинский чемодан.

Подвешивать закоченевший труп мешала нелепо поднятая рука – у повешенного обе всегда протянуты вдоль тела. Перерезали сухожилие, но все равно не смогли сдвинуть ее в нужную позицию. Не получалась петля такой, какую должен был завязать «самоповесившийся». Тогда просто обмотали веревку вокруг шеи на полтора оборота – потянули за ноги – висит прочно, – так и оставили... Время торопило: strangуляционная борозда пропечатается совсем плохо.. (Более полувека спустя Эдуард Хлысталов, опытный следователь, обратил внимание, что бледность ее на фотографии ненормальна, у прижизненно повесившихся она яркая.)

Вдруг спохватились. Стали шарить по всем углам, заглядывать под столы, их в номере три, письменный, овальный и ломберный⁸¹: где пиджак?! Он же был в пиджаке!.. Сообразив же, КАК пиджак выглядит, махнули рукой: кровь не сотрешь, а она картину испортит... Скажем, если кто спросит, что висел на стуле, а его, конечно, сперли: вещь заграничная...

И комендант «Англетера» Назаров, которого примерно в 22 часа вызвали с его квартиры в гостиницу, стал утром следующего дня звонить в ближайшее милиционерское отделение.

Однако приехали почему-то не оттуда, а из «Активно-секретного отдела» уголовного розыска. И милиционер Горбов, не снимая шинели, присел к столу с карандашом и листом бумаги. Сочинял «Акт», не соблюдая почему-то известной ему для такого случая формы и не приобщая к нему такую важную вещь, как «орудие повешения».

Поэтому у одних мемуаристов веревка, у других – ремень от чемодана, у третьих какой-то шнур, – в «Акте» же ни словечка!.. Нет в нем почему-то ни времени осмотра места происшествия, ни состояния дверного замка, ни где торчит ключ – внутри или снаружи, – ни как и когда попал в комнату Назаров и прочие находившиеся возле трупа люди... Словом, писал как бы не сотрудник особого отдела милиции, а глупый случайный обыватель...

Обстановку же в комнате снимал почему-то (опять!) не судебный фотограф, а нивесть как оказавшийся в Ленинграде москвич Моисей Наппельбаум, «кремлевский фотограф», которого уважали Ленин, Троцкий, Свердлов,

Дзержинский. Хотя, если Троцкий узнал об убийстве Есенина в первой половине дня 27 декабря, то вполне мог приказать Наппельбауму поспешить к поезду 17-00 и утром 28-го быть на месте.

Еще до похорон началась и много десятилетий с небывалым размахом продолжалась кампания вранья. Врала газетчики (многие создавали свои опусы с чужих слов, не побывав в «Англетере», и даже просто высасывая из пальца), врала милиционеры («Акт» о самоубийстве составлен нарочито безграмотно, не по форме и лжив по существу), врала «свидетели» (в том числе литераторы, поставившие свои подписи под бумагой, которую не читали), врала судебные медики (протокол судебно-медицинского вскрытия подделан, написан специально не по принятой в Обуховской больнице форме, содержащиеся в нем сведения лживы)...

Развернулась кампания против «есенинщины», которая в «Литературной энциклопедии» обрисована следующим образом: «Есенин ... придал ... упадочным настроениям определённую форму, явился их поэтическим идеологом. <...> В эпоху военного коммунизма он примкнул к наиболее упадочной и индивидуалистической группе мелкой буржуазии. <...> Пути полного преодоления «есенинщины» неотделимы от поступательного хода социалистического строительства, выковывающего нового человека».⁸²

Пусть всё так, скажут защитники версии самоубийства, но как же тогда «написанная кровью» предсмертная элегия «До свиданья, друг мой, до свиданья...», которую напечатала 29 декабря 1925 года ленинградская «Красная газета»⁸³?

Множественно множеством людей рассказанная история листка с этими строками довольно запутанна и полна противоречий. Якобы утром 27 декабря Есенин передал, попросив до поры до времени не читать, листок с каким-то стихотворением Вольфу Эрлиху. Тот же, как утверждал он в своих воспоминаниях, «в суматохе и сутолоке забыл о нем» и якобы прочитал стихотворение «только на следующий день»⁸⁴, т.е. 28 декабря, вместе с журналистом Георгием Устиновым (который, как выяснил Виктор Кузнецов, в «Англетере» тогда вообще не проживал!).

А как появилась рукопись элегии в редакции «Красной газеты», так до конца и не установлено. Исчез листок... Исчез?..

Но через несколько лет после смерти Есенина, 2 февраля 1930 года, подлинник стихотворения вдруг принес в Пушкинский дом заведующий редакцией журнала «Звезда» литератор Г.Е. Горбачев. «От В.И.Эрлиха»⁸⁵ помечено в учетных данных.

Об этом пишет Кузнецов и иронизирует: литератор Вольф Эрлих, называвший себя на всех перекрестках другом Есенина и утверждавший, что предсмертное стихотворение посвящено ему, четыре года (!) не мог ЛИЧНО сдать на хранение драгоценный автограф! Да и не таков по своему статусу был Горбачев, чтобы выполнять поручения малозначительного литератора...

Державший в руках этот листок во время своего писательского расследования Виктор Кузнецов пишет, что дата написания на нем отсутствует – газета, стало быть, САМОВОЛЬНО поставила 27 декабря! Фантастично, но кровью ли вместо чернил написано стихотворение, хранители Пушкинского дома за многие десятки лет не удосужились проверить, тем более – узнать, Есенина ли это кровь, что для современных криминалистов не составляет труда.

Тем более, что многое говорит: писал восьмистишие не Есенин. Слово «предназначенное» не из есенинского лексикона, он любил другие слова, не написал бы безграмотно «без руки и слова». Кроме того, Виктор Кузнецов провел, так сказать, «прикидочную» графологическую экспертизу – и даже своим малоопытным взором разглядел разницу в начертаниях букв **д, н, с, е, о, я** на принесенном в Пушкинский дом листке и на есенинском стихотворении на ту же тему близкой смерти⁸⁶.

Вывод однозначен: стихотворение – фальшивка.

Сработанная, скорее всего, Блюмкиным, который, кроме способностей актерских и языковых, владел еще вот чем: блестяще подделывал чужие почерки. Он писал крайне откровенные воспоминания в тюрьме, стараясь спастись от расстрела, но его все равно по настоянию Сталина прикончили за встречу в Стамбуле с высланным из СССР Троцким (сболтнул своей любовнице, такой же, как и он, сотруднице ГПУ-НКВД).

И как ни старался «разгребатель грязи» Кузнецов докопаться, был или нет Блюмкин в Ленинграде в день смерти Есенина, личное дело этого многоликого чекиста не выдали.

Немало людей, сделавших имя на пропаганде официальной лжи о смерти Поэта, и сегодня дрожат от страха, что вместо «самоповешения» окажется «убийство». Они делают всё, чтобы Генеральная прокуратура России не завела уголовного дела о смерти Есенина «по открывшимся новым обстоятельствам».

Таков, например, знаменитый «есениновец» Ю.Л.Прокушев, назначенный в 1992 году председателем «Комиссии Всероссийского писательского Есенинского комитета по выяснению обстоятельств смерти поэта». Он готов костями лечь, но не допустить расследования.

Как пишет Наталья Сидорина, член данной Комиссии, этот «автор многочисленных книг о поэте-самоубийце – лицо, заинтересованное в подтверждении госверсии, которую он обслуживал на протяжении десятилетий»⁸⁷. Поэтому даже во втором издании Материалов Комиссии (2003, первое датировано 1996 годом) не отражены результаты расследований Хлысталова, Кузнецова, Куняевых (отца и сына)...

Эдуард Хлысталов не только разрушил миф о самоубийстве Есенина (по следам этого расследования двигался Виктор Кузнецов), но и совершил уникальный литературоведческий эксперимент.

Все знают стихотворение «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...», но мало кто обращал внимание на дату: 28 ноября 1925 года.

А полковник милиции обратил, ибо знал, что в этот день поэт, спасаясь от привода в суд, находился в психиатрической клинике 1-го Московского университета близ Пироговской улицы. Он отыскал это двухэтажное здание конца XIX века – клиника там по-прежнему действовала.

В книге "13 уголовных дел Сергея Есенина" Хлысталов пишет: "...В виде исключения мне разрешили пройти в палаты. В белом халате поднимаюсь на второй этаж. Где-то здесь должна быть палата Есенина. Из широченного окна в коридоре я увидел его – старый клен...».

Почти сто лет назад в этом скорбном заведении, глядя на голые заснеженные ветви, написал поэт бессмертные и такие оптимистические строки:

...Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а всюю зеленым.

И, утратив скромность, одуревший в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.

¹ Маквей Г. Русские писатели о Сергее Есенине // Памятники культуры: Новые открытия. М.: Наука, 2003. с. 131. Этот выдающийся славист окончил Оксфордский университет, стажировался по русской литературе в МГУ, автор очень известным на Западе книг «Сергей Есенин: Жизнь» и «Айседора и Есенин». Указанную выше книгу он писал 40 лет, рассылая русским писателям анкеты с вопросами о Есенине и его влиянии на их творчество.

² Цит. по: Борис Грибанов «Женщины, которые любили Есенина» (<http://territa.ru/load/1-1-0-1852>)

³ Там же.

⁴ Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Глава первая. Буржуа и пролетарии [http://www.soc.pu.ru/materials/golovin/reader/marx/r_marx1\(mkp\).html](http://www.soc.pu.ru/materials/golovin/reader/marx/r_marx1(mkp).html)

⁵ Ленин В.И. ПСС, изд.5-е, т.15, с.341.

⁶ «Вперед» № 15, 20 (7) апреля 1905 г.

⁷ Освальд Шпенглер. «Закат Европы», т.2., М., «Мысль», 1998. С. 107.

⁸ Там же. С. 156.

⁹ Цит. по: Юрий Павлов. Единожды присягнувший, или Штрихи к портрету Сергея Куняева (<http://www.zavtra.ru/denlit/158/61.html>). В статье приводятся также следующие сведения о Карпове: «В 1926 он пишет стихотворение памяти расстрелянного по делу «Ордена русских фашистов» А. Ганина: *«От света замурованный дневного, в когтях железных погибая сам, ты сознавал, что племени родного нельзя отдать на растерзанье псам».*

¹⁰ «Правда», № 15, 19 января 1926 г.

¹¹ Цит. по: «Электронная библиотека Бабра» (<http://lib.babr.ru/index.php?auto=34>)

¹² «Москва кабацкая». Стихотворения. Поэмы. Составитель канд. филолог. наук. Иван Жуков. М. Журн.-газ. объединение «Воскресенье», 1995, с. 333. (Далее: «Москва кабацкая».)

¹³ Там же, с. 334.

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Москва кабацкая», с. 401.

¹⁶ Н. Шубникова-Гусева «Решением ЮНЕСКО 1995 год был объявлен годом Есенина». «Российская провинция» 1995(4)

¹⁷ Там же, с. 24.

¹⁸ Там же, с. 32.

¹⁹ Там же, с. 35.

²⁰ «Москва кабацкая», с. 81

²¹ Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт., т.2, С. 170.

²² Скороходов М.В., Юсов Н.Г., Юшкин Ю.Б. Хронологическая канва жизни и творчества Сергея Александровича Есенина (1895-1925). В: Есенин С.А. Полное собрание сочинений в 7 т. – М.: Наука; Голос, 1995-2002, Т. 7. Кн. 3. М. Наука, 2002, С. 267-354 (далее «Скороходов и др.»).

²³ Скороходов М. «Листая рязанскую периодику (материалы к пребыванию Есенина в Спас-Клепиках)». Сайт www.esenins.ru/v22html

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Н. Шубникова-Гусева. «Его называли Франсуа Вийоном».

²⁷ «Пора, мой друг, пора! покоя сердца просит...» Пушкин А.С. Стихотворения и поэмы. М., «Современник», 1974, С. 106

²⁸ «Москва кабацкая», с. 401.

²⁹ Н. Шубникова-Гусева. с. 275.

³⁰ Там же, с. 429.

³¹ Арестов было в общей сложности пятнадцать, в пяти участвовали «люди с Лубянки». См.: Эдуард Хлысталов, «Как убили Сергея Есенина»; Интернет, сайт «Лучшие русские поэты и стихи» (далее – Эд.Хлысталов).

³² «Скороходов и др.»

³³ Анатолий Мариенгоф. «Роман без вранья*Циники*Мой век, моя молодость...» Л. Художественная литература, 1988, с.11. (Далее АМ).

³⁴ Цит. по: Игорь Семенович Кон, «Любовь небесного цвета». Сайт lib.ru/PSHO/KON/love.txt (далее «И.С.Кон»)

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Орфография оригинала: Интернет, Библиотека ХРОНОС, «Ломан Дмитрий Николаевич, 1868 –1918».

³⁸ «Скороходов и др.»).

³⁹ И.С.Кон.

⁴⁰ Александр Захаров. «Есенин и власть», ч. 2. Сайт www.esenins.ru/c60.html

⁴¹ «Москва кабацкая», с. 406.

⁴² Эд. Хлысталов.

⁴³ Пушкин А.С. «К морю».

⁴⁴ Цит. по: Гордон Маккей. «Сергей Есенин и Айседора Дункан». «Русский альманах», Париж, 1981 г.

⁴⁵ Она говорила газетчикам, после того, как Есенин вернулся в Москву «...Я хотела сохранить его для мира». Цит по: Эд. Хлысталов.

⁴⁶ <http://lelyf.gorod.tomsk.ru/index-1352430609.php>

⁴⁷ Светлана Виноградова. Интервью с Сергеем Куняевым. (<http://www.zavtra.ru/denlit/129/71.html>)

⁴⁸ Инна Свеченовская, Виктор Кузнецов. «Имена убийц Сергея Есенина известны - это Яков Блюмкин и Николай Леонтьев» (<http://esenin.niv.ru/esenin/smert/imena-ubijc.htm>)

⁴⁹ Ройзман М.Д. «Всё, что помню о Есенине», М., «Советская Россия», 1973, с. 32. (далее РМД) Штатный сотрудник ВЧК – заведующий клубом этой организации. Книга полна сомнительных мест и приписываемых Есенину высказываний.

⁵⁰ См. сайт ВИКИПЕДИИ «Блюмкин Яков Григорьевич». Убийство было сигналом для восстания левых эсэров 6-го июня 1918 года. Перед покушением написал письмо: *«Черносотенцы-антисемиты с начала войны обвиняют евреев в германофильстве, и сейчас возлагают на евреев ответственность за большевистскую политику и за сенаратный мир с немцами. Поэтому протест еврея против предательства России и союзников большевиками в Брест-Литовске представляет особое значение. Я как еврей, как социалист, беру на себя совершение акта, являющегося этим протестом».*

Жене Луначарского, Наталье Луначарской-Розенель, Блюмкину сказал, что о плане покушения знали Дзержинский и Ленин. Был приговорен к смертной казни, замененной отправкой на фронт, откуда был отозван и стал начальником охраны Троцкого.

- ⁵¹ Там же, с. 346.
- ⁵² РМД, с. 343.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Википедия. Блюмкин Яков Григорьевич (Симка-Янкев Гершевич Блюмкин, он же Имсаев. Макс, Владимиров)
- ⁵⁵ Участвовать в Центрально-азиатской экспедиции Н.К. Рериха (См. сайт ВИКИПЕДИИ Блюмкин Яков Григорьевич.)
- ⁵⁶ В.С. Тормышов. «Скрытые и явные враги Есенина» (made666@list.ru).
- ⁵⁷ РМД, с. 344.
- ⁵⁸ См. сайт (books.google.de/books?isbn=522402255X..)
- ⁵⁹ Есенин С.А. «На Кавказе» Москва кабацкая. С. 416.
- ⁶⁰ Есенин С.А. «Железный Миргород». (<http://feb-web.ru/feb/esenin/texts/e75/e75-263-.htm>) (далее «ЖМ»)
- ⁶¹ Есенин имеет в виду главу «Место действия – Америка», где Маяковский в 1919-1920 годах, ни разу вообще не выезжая за границу, не то что в США, описывает в поэме «150 000 000» фантастический до нелепостей город Чикаго и столь же фантастическую Америку.
- ⁶² Скороходов и др.
- ⁶³ ЖМ. [Введение]
- ⁶⁴ Скороходов и др.
- ⁶⁵ Снял редактор эту цитату, по-видимому, из-за того, что Есенин неправильно цитировал по памяти строки из поэмы «150 000 000», где на самом деле написано так: «Тоже лестница там! / Не пойдешь по ней! / <...> сколько в ней ступеней / и не счесть ступне - / ступеней этих самых / до чортиков!» [Владимир Маяковский. Собрание стихотворение в двух томах. Том первый. Поэмы; Пьесы в стихах. Л. Советский писатель, 1950. с. 291]
- ⁶⁶ ЖМ. [глава Бродвей]
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Есенин С.А. Стихи, не включенные в собрания. (<http://esenin.niv.ru/esenin/text/stihi/1924/1924-21.htm>)
- ⁷⁰ Скороходов и др.
- ⁷¹ Виолетта Баша. Убийство Сергея Есенина (www.esenin.ru/.../violetta-basha-ubiystvo-sergeya-esenina.html) Далее ВБ.
- ⁷² Цит. по: Эдуард Хлысталов. Тайна гостиницы "Англетер": История одного частного расследования. Журнал "Москва". N7. С.178-193. 1989. (http://www.solovki.ca/writers_023/ganin.htm) - Далее Э.Х.
- ⁷³ Борис Грибанов. Женщины, которые любили Есенина. Глава XVI Софья Андреевна Толстая – литературно-династический брак.
- ⁷⁴ Наталья Сидорина, член Комиссии Всероссийского писательского Есенинского комитета: открытое письмо «Есенин: поле притяжения (далее НС) www.esenin.ru/gibel.../sidorina-natalya-otkritoe-pismo.html
- ⁷⁵ Евгений Черных – со слов Станислава Куняева, автора книги «Сергей Есенин», который держал в руках воспоминания Тарасова-Родионова (www.kp.ru/daily/24568/740937/).
- ⁷⁶ Евгений Черных. «Сергея Есенина убили за телеграмму царю» Интервью со Станиславом Куняевым 02.10.2010 Сайт www.kp.ru/daily/24568/740937/
- ⁷⁷ Инна Свеченовская, Виктор Кузнецов. Интервью – сайт <http://esenin.niv.ru/esenin/smert/imena-ubije.htm>
- ⁷⁸ НС.
- ⁷⁹ Виктор Иванович Кузнецов. Тайна гибели Есенина. 1997 (<http://bookz.ru/authors/viktor-kuznecov/kuznecovvikt01.html>). Книга разрешена для бесплатного скачивания.с.2. (Далее: ВИК. Страницы указаны по моей распечатке Интернетского текста).
- ⁸⁰ Эдуард Хлысталов, старший следователь. «Как убили Сергея Есенина». Сайт «Лучшие русские поэты и стихи»
- ⁸¹ ВИК, с.21.
- ⁸² «Есенинщина». Лит. энциклопедия в 11 т. – М. 1929-1939. Т.4. 1930. Интернет: feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le4/le4-0791.htm
- ⁸³ ВИК, с. 35.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁷ Там же, с. 37.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ НС.